

Библиотека "Софии Киевской"

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ, КРЫМ, РУСЬ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

**Материалы II Судакской
международной научной конференции**

(12-16 сентября 2004 г.)

??

ЧАСТЬ III-IV

**Киев-Судак
"Академперіодика" 2004**

САЛТОВСКАЯ И “САЛТОИДНАЯ” КУЛЬТУРЫ В ПОДНЕПРОВЬЕ

Вопрос западной границы распространения памятников салтовской культурно-исторической области (КИО) в Северном Причерноморье вряд ли относится к наиболее актуальным проблемам салтововедения. Тем не менее, от нее напрямую зависит определение западных границ Хазарского каганата, а также решение вопроса транспортных и торговых путей, соединяющих в VIII — IX вв. хазарский Крым с салтовским ареалом Подонья.

Открытие и отнесение балкано-дунайской культуры к вариантам салтовской КИО на некоторое время “закрыло” проблему, автоматически распространив влияние каганата на западе вплоть до Дуная [Плетнева 1981а, с. 64; 1981б, с. 75–77]. Но в новых работах С.А. Плетнева признала ошибочность этой гипотезы, выделив уже степному приазовскому варианту III салтовской КИО зону до р. Кальмиус, а более северному степному донскому варианту II — территорию вплоть до излучины Днепра [Плетнева 1999, с. 12, 132, 133; рис. 1].

Сообщения об открытии в Нижнем Поднепровье памятников с салтовскими признаками начали появляться в 50–60-х гг. XX в. после разведок и охранных работ А.В. Бодянского и А.Т. Смиленко. Осторожность в первых выводах, как оказалось позже, была не лишней, поскольку более широкие исследования показали, что “салтоидные” элементы в керамике (серолощенные сосуды, кухонные горшки со сплошным линейным орнаментом) составляют неотъемлемую часть культуры этнически неоднородного древнерусского населения этого региона X – XI вв. Ее специфика была установлена А.Т. Смиленко [Смиленко 1975, с. 169–177] и подтверждена исследованиями А.А. Козловского [Козловский 1992, с. 152–156]. Заметим также, что у нас, как и у А.Т. Смиленко, указанные “салтоидные” элементы вызывают больше ассоциаций с балкано-дунайской культурой, чем с собственно салтовскими традициями. С более резкой оценкой выступил М.Л. Швецов, выделивший группу салтовских погребений региона и предположивший, что и в случае с поселениями речь идет о “заведомо салтовских комплексах” [Швецов 1981, с. 97, 101]. К салтовским были причислены и два могильника древнерусского времени — Алексеевка и Мартовка.

Без сообщений о случайных находках, список реальных салтовских комплексов Нижнего Поднепровья пока невелик — это погребения из Вильноандриевки, Софиевки, Михайловки, Узвоза, Самаровки, Коломийцев и Попова-Баловки. Несмотря на немногочисленность, эти комплексы довольно разнородны. Так, погребения из Вильноандриевки и Михайловки по инвентарю и обряду принадлежат к “зливкинскому” типу, т.е. оставлены “черными булгарами”, в то время как кувшин из софиевского погребения [Швецов 1981, рис. 2, 5] с сетчатым орнаментом в нижней части больше напоминает посуду волжских болгар. Погребения же из Самаровки и Попова-Баловки, судя по описанию находчиков, возможно, вообще были катакомбными [Козловский 1992, с. 154; Бубенок 1997, с. 28]. Узкую дату имеет только комплекс из Попова-Баловки, по сочетанию стремени середины — 2-й пол. IX в. и остродонной амфоры конца IX — 1-й пол. X в., относящийся ко 2-й пол. IX в. Еще одно катакомбное (?) погребение с салтовскими кувшином, кружкой и стремением 1-й пол. — сер. IX в. разрушено севернее по Днепру, возле г. Кременчука [Мельникова 2001]. В с. Зинцы южнее Полтавы разрушено также возможно салтовское погребение с крымской флягой VIII-IX вв.; отдельные находки салтовской посуды упоминаются в Трибове и Белой Горе [Супруненко 1998, с. 83–86]. Сложнее с салтовской атрибуцией Климовского курганного могильника [Приймак 1999, с. 14; 2001, с. 35], информация о котором пока фрагментарна, но обряд (впускные погребения с южной ориентировкой) не находит никаких аналогий в салтовских памятниках — скорее всего, это сарматские погребения.

Наряду с погребальными памятниками, к “салтоидным” в историографии относят и ряд лесостепных поселений. Теория широкого освоения кочевниками лесостепного пограничья, свидетельством чему являются “стойбища” “салтоидной” культуры, была предложена Е.А. Горюновым [Горюнов 1987, с. 4–6]. Как пишет М.М. Казанский [Kazanski 1987, p. 84], серия их совместных разведок 1971–1979 гг. [Горюнов, Казанский 1998, с. 76–78] была начата для обследования района находки Перещепинского комплекса с целью поиска пеньковских поселений, но обнаружили они и памятники “неожиданного характера” с гончарной керамикой: серолощенной и оранжевой “мажущейся” — Белокони, Лаврики, Чередники, Полузорье II, которые исследователи назвали “салтоидными” [Горюнов 1987, с. 4–6; Kazanski

1987, р. 84–90]. Как свидетельствуют его отчеты, позже новыми разведками на Сумщине Е.А. Горюнов резко расширил ареал “салтоидной” культуры, но оказалось, что некоторые памятники уже фигурировали в археологических реестрах, но под названием другой культуры — *волынцевской*. Тем не менее, интерпретацию Е.А. Горюнова повторила О.А. Щеглова, назвавшая “салтовской” постройку IX волынцевского поселения Вовки [Щеглова 1987, с. 47–48]. Та же информация повторяется в работах А.М. Обломского и А.И. Айбабина [Гавритухин, Обломский 1996, с. 123; Айбабин 1999, с. 183]. О.Б. Супруненко называет Лаврики “селищем салтовской культуры” [Супруненко 1998, с. 83]; В.В. Приймак выделяет “салтоидные” памятники в “тип Белокони-Лаврики-Чередники” [Приймак 1999, с. 14; 2001, с. 35–37], а О.М. Приходнюк рассматривает соседство пеньковского поселения Полузорье I со “стойбищем” Полузорье II как свидетельство сосуществования пеньковцев и кочевников [Приходнюк 2002, с. 129, 130].

Концепция “салтоидной” культуры, пожалуй, возникла благодаря какому-то недоразумению. В салтовском керамическом комплексе действительно есть посуда оранжевого обжига, но она не имеет ничего общего с грубой “мажущейся” посудой рассматриваемых памятников, и наоборот, даже более качественная, чем серолощенная. Возникает она только на позднем этапе существования салтовской КИО и распространена преимущественно в городах — Саркеле, Фанагории, Тиритаке, Тмутаракани [Плетнева 1959, с. 216]. Причем, как продемонстрировал В.С. Флеров на материалах Саркела, этот вид столовой посуды был довольно дорогим и использовался в основном кочевническим гарнизоном и социальными верхами Саркела [Флеров 1976, с. 60–64]. Красная и оранжевая “мажущаяся” гончарная керамика зато присутствует в Волынцево, Бытице и других волынцевских памятниках, причем позже эта традиция сохраняется и в роменской культуре, что подчеркивает ее местный характер. Качественная же волынцевская серолощенная гончарная керамика салтовской традиции доминирует только на одном памятнике — Бытице. Но уже в материалах Волынцево большинство гончарной керамики составляют сосуды красного и черного обжига [Юренко 1982, с. 94], а на мелких волынцевских поселениях, отдаленных от локальных ремесленных центров, гончарная керамика убывает в доле всего до нескольких процентов или вообще отсутствует.

Последнее время М.М. Казанский и Д.В. Середа несколько модифицировали гипотезу, акцентировав аргументацию теперь уже не на оранжевой, а на серой гончарной керамике, соотносимую ими с керамикой типа Канцирки [Казанский, Середа 2001, с. 24]. Заметим сразу, что сохранившийся тезис о “стойбищах” основывается только на разведочных исследованиях культурного слоя поселений. Набор же сероглиняных фрагментов из “стойбищ” Лаврики, Белокопи, Вовки, Чередники, Полузорье II достаточно выразителен [Горюнов 1987, рис. 2; Kazanski 1987, fig. 15; 16]. Здесь присутствуют классические волынцевские горшки с вертикальными венчиками, орнаментированные узкими, пролощенными по сухой поверхности, линиями, образующими густые сетки, волны и т.д. Ничего подобного не известно в Канцирке, где столовая посуда представлена только кувшинами и кубышками. Горизонтальные каннелюры используются и в волынцевской, и в салтовской посуде, зато на рассматриваемой керамике нет налепных валиков и шишечек, нет орнамента из сетки глубоких широких линий, нанесенных по мокрой поверхности, т.е. именно тех технологических признаков, которые, собственно, и характеризуют канцирскую керамику, отличая ее от салтовской.

Показательно, что одно из “салтоидных” поселений — Вовки — пришлось просто признать волынцевским. На поселении же Полузорье I “позднепеньковский” горизонт, синхронный соседнему “стойбищу” Полузорье II, представлен на самом деле жилищем 2 с обычными волынцевскими горшком и двумя высокими мисками [Казанский, Середа 2001, с. 23, 24; рис. 4, 3–6]. Дата появления волынцевской культуры пока дискуссионна, но самый ранний на сегодня волынцевский комплекс с датирующими предметами — Харьевский клад — по пряжке с “вытянутыми губами” и пластинчатым фибулам синхронен горизонту Галиат-Геленовка (ок. 725–740 гг.) [Комар 1999, с. 123; 2000]. Ему близка по времени полусферическая бляшка из культурного слоя Вовков [Щеглова 1987, рис. 1, 9]. Чуть более древнее ямное трупосожжение колочинской традиции с полусферическими бляшками и спиральной подвеской из Шестовицы [Коваленко 1999, с. 40], синхронное волынцевскому горизонту шестовицкого поселения. Наряду с другими ранними памятниками (Стрелица, Целиков Бугор, Хитцы), оно свидетельствует о колочинских истоках волынцевской культуры, а

также о ее формировании в 1-й трети VIII в. Скорее всего, во-лынцевские памятники появляются на Полтавщине из Подесенья лишь после ухода отсюда кочевников перещепинской культуры и напрямую генетически не связаны с предшествующей ей в этом регионе пеньковской культурой.

Отражая культуру славянских племен — данников Хазарского каганата, волынцевская культура органически вобрала в себя не только “салтоидную” гончарную традицию, но и прямые салтовские импорты в посуде, вооружении, украшениях, сохраняя в то же время, яркие славянские черты в погребальном обряде, жилищном строительстве и лепной керамике [Юренко 1982]. Но, говоря о культурном влиянии каганата и экономических связях, мы до сих пор не располагаем никакими убедительными фактами непосредственного участия салтовского или любого родственного ему кочевнического населения в сложении культуры.

Таким образом, рассмотренная нами группа нижнеднепровских салтовских погребений оказывается полностью оторванной от основного салтовского ареала. Против идеи постоянного проживания салтовцев в Поднепровье свидетельствует и этническая разнородность обнаруженных здесь погребальных памятников, оставленных булгарами разных групп и аланами. Еще интереснее хронология погребений, указывающая в основном на IX в., в то время как в период 837–889 гг. Северное Причерноморье было занято венграми. Связано ли напрямую появление групп салтовцев в Поднепровье с переселением венгров (чем, возможно, объясняется волжско-булгарский кувшин из Софиевки) или же “гражданской войной” в каганате, заставившей уйти со своих мест и присоединиться к венграм целое хазарское племя — кабар, пока судить трудно. Несомненно одно — какая-то часть этого населения осталась в Поднепровье и в X в. даже приняла участие в формировании древнерусской культуры региона.

